

Юрий Петренко

Чернила и кровь

Юрий Петренко
Чернила и кровь

«Автор»

2026

Петренко Ю. А.

Чернила и кровь / Ю. А. Петренко — «Автор», 2026

Один подлог, способный разрушить империю. Одна любовь, способная сокрушить закон. Санкт-Петербург, 1875 год. В мрачных подвалах Императорской библиотеки совершено сенсационное открытие: адъюнкт-библиотекарь Авраам Гаркави находит следы соскобленного текста на древних свитках Торы из знаменитой караимской коллекции Фирковича. Банальная научная фальсификация оказывается делом государственной безопасности. Под эти рукописи караимские банкиры выдали миллионные кредиты на строительство стратегической железной дороги. Расследование поручают неподкупному судебному следователю Николаю Набокову. Ситуация становится критической, когда Набоков без памяти влюбляется в Анну Бобович — гордую караимскую аристократку. Теперь он зажат в тиски между безупречным Законом, долгом перед короной и любовью к женщине, чью семью его расследование должно уничтожить.

© Петренко Ю. А., 2026

© Автор, 2026

Юрий Петренко

Чернила и кровь

Глава 1

Пролог

Капля

Санкт-Петербург, ноябрь 1875 года.

В ту ночь Нева замёрзнуть не успела.

Холод уже несколько дней держался такой, что камень на набережных к утру покрывался белой коркой, а дыхание прохожих висело в воздухе маленькими облаками. Но река всё ещё оставалась чёрной и тяжёлой. Она двигалась медленно, почти незаметно, принимая в себя свет редких фонарей.

В Императорской библиотеке было теплее.

Не намного.

В подвалах тепло вообще никогда не задерживалось надолго. Оно доходило сюда от верхних этажей уже уставшим, разбавленным запахом сырого камня, старой бумаги и угольной пыли.

Авраам Гаркави этого не замечал.

Он сидел один.

Перед ним лежал пергамент.

На вид — ничего примечательного.

Старый лист, потемневший по краям, с неровной складкой посередине. Несколько строк древнееврейского текста. Буквы мелкие, аккуратные, почти одинаковой толщины. Рядом стояла раскрытая тетрадь Гаркави, перо и маленькая стеклянная колба.

На стене тикали часы.

Гаркави поднял голову.

Половина второго.

Он вздохнул и снова наклонился над пергаментом.

— Ещё раз.

Ученый говорил вслух, когда оставался один.

Не потому, что нуждался в собеседнике.

Просто некоторые мысли, произнесённые голосом, становились яснее.

Он поднёс лист к свече.

Текст не изменился.

Тогда Гаркави взял лупу.

Провёл ею над первой строкой.

Потом над второй.

На третьей остановился.

— Вот ты где.

Он улыбнулся.

Очень слабо.

Улыбка человека, который нашёл не то, что искал.

На полях стояла буква.

Всего одна.

Но она была неправильной.

Не по смыслу.

По возрасту.

Гаркави откинулся на стуле.

Взял другой экземпляр из стопки.

Потом третий.

Сравнил.

Ещё раз посмотрел на пергамент.
Он уже не улыбался.
Колба стояла справа от него.
В ней было несколько капель прозрачного раствора.
Гаркави долго не решался.
Он прекрасно знал, что химическая проба может испортить рукопись.
Но если его догадка верна, перед ним находилось не просто свидетельство ошибки переписчика.

Перед ним было преступление.
Гаркави взял тончайшую кисть.
Коснулся раствора.
Провёл по одному слову.
Ничего.
Он подождал.
Секунда.
Две.
Три.
Чёрная линия начала бледнеть.
Гаркави перестал дышать.
Ещё несколько мгновений — и верхний слой туши растворился.
Под ним показалась другая буква.
Старая.
Настоящая.
Гаркави медленно поставил кисть на стол.
— Господи...

Он не был человеком, склонным к восклицаниям.
Но теперь перед ним лежало доказательство.
Кто-то изменил текст.
Не переписал.
Не скопировал.

Соскоблил.

И поверх старого знака нанёс новый.
Гаркави почувствовал холод.
Не тот, который шёл от каменных стен.
Другой.
Профессиональный холод ученого, который внезапно понимает, что его прежняя картина мира больше не работает.

Он снова взял лупу.
Под первой исправленной буквой обнаружилась вторая.
Потом третья.
Работа была сделана тщательно.
Очень тщательно.
Человек, совершивший это, знал древнееврейское письмо.
Знал палеографию.
Знал, что именно нужно изменить.
И знал, чего менять нельзя.
Гаркави достал чистый лист.
Записал:

«Коллекция Фирковича. Проба № 7.»

Затем остановился.
Подумал.
И ниже добавил:
«Подлог несомненен.»
Он поставил точку.
Но рука почему-то не поднималась от бумаги.
Гаркави снова посмотрел на пергамент.
Теперь ему казалось, что он видит его впервые.
На обороте, возле края, обнаружилась маленькая отметина.
Круг.
Потом второй.
Крошечные царапины, почти незаметные.
Он перевернул остальные листы.
Ничего.
Вернулся к первому.
Царапины.
Гаркави нахмурился.
Это не было ни знаком переписчика, ни библиотечным номером.
Он поднёс лист ближе к свече.
И тогда услышал звук.
Наверху.
Кто-то прошёл по коридору.
Гаркави замер.
Шаги удалились.
Он подождал.
Тишина.
Ученый снова склонился над пергаментом.
На этот раз он увидел ещё одну вещь.
Крошечное пятно воска.
Совсем свежее.
На краю рукописи.
Гаркави коснулся его пальцем.
Воск был мягким.
Он посмотрел на свечу.
Потом на дверь.
Дверь была заперта.
Ключ лежал у него в кармане.
Гаркави медленно встал.
В этот момент где-то в глубине подвала раздался металлический звук.
Словно кто-то осторожно поставил на каменный пол железный предмет.
Гаркави погасил свечу.
Темнота накрыла комнату.
Он не двигался.
Через несколько секунд звук повторился.
Шаг.
Ещё один.
Кто-то шёл к нему.
Гаркави нащупал в кармане ключ.
И вдруг понял одну вещь.

Человек наверху мог знать о подделке.
Но человек, который сейчас находился в подвале, знал нечто большее.
Он знал, **что Гаркави уже обнаружил её.**
Ученый отступил к столу.
Рука нащупала пергамент.
Он сжал его.
В темноте открылась дверь.
Свет коридорного фонаря лёг на каменный пол.
И чей-то голос произнёс:
— Господин Гаркави?
Ученый не ответил.
— Авраам Самуилович?
Голос был спокойным.
Почти вежливым.
Гаркави сделал шаг назад.
Человек вошёл.
На мгновение его лицо оказалось видно.
Незнакомец.
Высокий.
В тёмном пальто.
Без шляпы.
Он посмотрел на стол.
Увидел химическую колбу.
Увидел раскрытую тетрадь.
И понял всё.
Гаркави бросился к двери.
Он успел сделать два шага.
Удар пришёлся в затылок.
Мир качнулся.
Последнее, что он увидел перед тем, как потерять сознание, был пергамент.
Лист упал на пол.
И в свете фонаря стала видна древняя строка, которую только что открыл Гаркави.
Но была там ещё одна вещь.
На самом краю листа кто-то оставил едва заметную надпись.
Три слова.
«Он не первый.»

Через четыре часа в кабинете прокурора Анатолия Фёдоровича Кони зазвонил телефон.
Кони поднял трубку.
— Да?
Он выслушал сообщение.
Лицо его не изменилось.
Только пальцы медленно перестали постукивать по столу.
— Насколько серьёзно?
Пауза.
— Понятно.
Он положил трубку.
На столе лежал рапорт Императорской библиотеки.

Рядом — список ценных бумаг.
И ещё один документ.
Сведения о караимских банковских домах Одессы и Крыма.
Кони прочёл первую страницу.
Потом вторую.
Закрыв глаза.
— Вот этого нам только не хватало.
Он нажал кнопку вызова.
— Позовите судебного следователя Набокова.
Секретарь вошёл.
— Николая Платоновича?
— Да.
Кони посмотрел в окно.
Над Петербургом начинал идти снег.
— И скажите ему, чтобы пришёл без промедления.
Секретарь уже повернулся к двери.
— И ещё.
— Ваше превосходительство?
— Пусть никому не говорит, что дело касается Фирковича.
Секретарь удивлённо посмотрел на него.
Кони тихо сказал:
— Пока мы не знаем, что именно мы нашли.
Он снова взглянул на рапорт.
— И кого именно нашли.

Глава первая

Следователь

Николай Платонович Набоков не любил, когда его будили ночью.
Особенно если человек, пришедший его будить, начинал разговор словами:
— В Петербурге случилось несчастье.
Потому что после этой фразы обычно выяснялось, что несчастье произошло не в Петербурге, а где-нибудь значительно дальше.
И что исправлять его придётся именно ему.
— Библиотека? — спросил Набоков.
— Императорская.
— Пожар?
— Нет.
— Кража?
— Не знаю.
Набоков сел на кровати.
На стуле у окна лежала его одежда.
Он посмотрел на часы.
Три сорок.
— Тогда что?
Посыльный помялся.
— Напали на ученого.
Набоков встал.
— На кого?

— Авраама Гаркави.

Набоков замер.

Фамилия была ему известна.

Он знал Гаркави как ученого, способного часами спорить о единственной букве в рукописи и совершенно искренне считать этот спор важнее всего происходящего в мире.

— Он жив?

— Да.

— Тогда почему вы сказали «несчастье»?

Посыльный отвёл взгляд.

— Потому что он успел что-то написать.

Набоков почувствовал неприятное предчувствие.

— Что?

— Не знаю.

— А где записка?

— У прокурора.

Набоков взял пиджак.

Через десять минут он уже был на улице.

Снег шёл гуще.

И Петербург, который днём казался огромным и торжественным, ночью снова становился городом тёмных окон, закрытых ворот и людей, которые предпочитали не задавать лишних вопросов.

Набоков сел в экипаж.

— На Фонтанку.

Кучер тронул лошадей.

Следователь откинулся на спинку.

Он ещё не знал, что это дело займёт у него месяцы.

Не знал, что отправится в Крым.

Не знал, что будет искать следы человека, который уже умер.

Не знал, что встретит женщину, ради которой впервые в жизни усомнится в собственном законе.

И уж конечно не знал, что через несколько месяцев ему придётся решить, что важнее:

правда

или

последствия правды.

Пока он знал только одно.

Кто-то напал на Авраама Гаркави.

А значит, кто-то очень хотел, чтобы один старый пергамент остался немым.

Глава 2

Часть первая

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КАПКАН

Глава первая

Следователь

Николай Платонович Набоков не любил, когда его будили ночью.

Не потому, что ценил сон больше службы. Скорее наоборот: человек, который привык вставать по первому требованию, постепенно начинает считать ночной сон последним из немногих удовольствий, которыми государство ещё не успело распорядиться за него.

Поэтому, когда в дверь его квартиры постучали в четыре без четверти утра, он сперва решил не открывать.

Стук повторился.

Три коротких удара.

Потом два.

Набоков открыл глаза и несколько секунд смотрел в темноту.

За окном было тихо.

Петербургская ночь имела свой особенный звук — не тишину, а бесконечное приглушённое движение: далёкий скрип полозьев, хлопок ворот, редкий колокольчик, шаги запоздалого прохожего. Иногда где-то лаяла собака, и её лай долго гулял между домами.

Теперь ничего этого не было.

Только стук.

Набоков сел на кровати.

— Кто?

Из-за двери ответили:

— По поручению господина прокурора.

Набоков посмотрел на часы.

Он уже знал, что это значит.

Ночью прокурор не присылает людей по пустякам.

Он поднялся, накинул халат и прошёл в прихожую.

— Документы.

Из-за двери просунули конверт.

Набоков вскрыл его прямо на ходу.

Короткая записка.

Почерк Кони он узнал сразу.

«Немедленно прибыть. Императорская библиотека. Нападение на адъютант-библиотекаря Гаркави. Сведения о возможном подлоге в коллекции Фирковича. Никому не разглашать».

Набоков перечитал последнюю строку.

Потом ещё раз.

Подделка.

Слово было неприятным.

Не потому, что он редко сталкивался с подделками. Напротив.

Фальшивые расписки, подложные завещания, изменённые долговые обязательства, чужие подписи — всё это составляло значительную часть судебной практики.

Но рукописи были другим делом.

Рукопись можно было подделать.

Историю — тоже.

Однако если поддельной оказывалась история, следователь уже не мог ограничиться тем, чтобы установить преступника.

Ему приходилось выяснять, **кому эта история понадобилась**.

Набоков вернулся в комнату.

Оделся быстро, без слуги.

Перед зеркалом поправил галстук.

На лице его было то выражение, которое постепенно стало привычным для людей, знавших его по службе: спокойное, почти холодное.

Только глаза выдавали раздражение.

Он был молод для той должности, которую занимал, и достаточно умён, чтобы понимать: старшие коллеги считают это недостатком.

В тридцать с небольшим человек должен либо ещё учиться, либо уже ошибаться.

Набоков не делал ни того, ни другого.

Он предпочитал сначала молчать.

А потом задавать вопросы.

В прихожей он взял тяжёлую трость.

Трость была старомодной.

Чёрное дерево, серебряное кольцо, массивный набалдашник.

Её подарил ему отец.

Сам Набоков пользовался ею скорее по привычке, чем от необходимости.

Он не знал, что однажды эта трость станет для него оружием.

И что человек, которого он собирался расследовать, будет связан с ней гораздо сильнее, чем мог предположить.

Экипаж ждал у подъезда.

Кучер, молодой, замёрзший, вскочил с козел.

— На Фонтанку, господин.

— В Императорскую библиотеку.

Лошади пошли рысью.

Снег начал падать ещё гуще.

Набоков сидел молча.

Он держал записку Кони между пальцами.

Гаркави.

Имя было ему знакомо.

Авраам Самуилович Гаркави — востоковед, историк, специалист по еврейским рукописям. Человек, о котором в научных кругах говорили одновременно с уважением и раздражением.

Уважали его за память.

Раздражались — за то же самое.

Гаркави мог помнить десятки рукописей, которые видел один раз.

Мог по одной букве определить школу переписчика.

Мог спорить с академиком три часа, а потом совершенно спокойно признать, что ошибался — если ему предъявляли доказательство.

Набоков однажды встречал его.

Лет пять назад.

В университете.

Гаркави тогда рассказывал о древней надписи, найденной в Крыму.

Набоков запомнил не лекцию.

Он запомнил одну фразу.

«В истории опаснее всего не ложь. Опаснее полуправда. Ложь можно разоблачить. Полу-
правда заставляет человека защищать её самому».

Тогда Набоков счёл это учёным тщеславием.

Теперь фраза почему-то вернулась.

Экипаж свернул на широкую улицу.

Фонари проплывали за стеклом.

Петербург ещё спал.

Но в одном из окон уже горел свет.

Набоков посмотрел туда.

Ему вдруг показалось, что кто-то наблюдает за экипажем.

Он повернул голову.

Окно исчезло за домом.

Никого.

Он усмехнулся.

Следователь, который начинает видеть преследователей до того, как обнаружены доказа-
тельства, долго на службе не задерживается.

Императорская библиотека встретила его закрытыми воротами.

У входа стояли двое полицейских.

Один узнал Набокова и немедленно отворил калитку.

— Господин следователь.

— Где Гаркави?

— В лазарете.

— Жив?

— Да.

— В сознании?

— Нет.

— Кто нашёл?

— Ночной сторож.

— Имя?

Полицейский замялся.

Набоков остановился.

— Я задал вопрос.

— Степан Иванович Мельников.

— Где он?

— Здесь.

— Позовите.

Пока один из полицейских ушёл, Набоков посмотрел на фасад библиотеки.

Огромное здание казалось сейчас совершенно чужим.

Днём оно было храмом науки.

Ночью — крепостью.

И если в подвалах этой крепости действительно нашли подделку, значит, кто-то проник
туда не ради денег.

Потому что деньги в таких местах лежали не на столах.

Они лежали в истории.

Степан Мельников оказался стариком лет шестидесяти.

Седые усы.
Короткий тулуп.
Большие руки.
Он вошёл, снял шапку и встал у двери.
— Вы нашли Гаркави?
— Да.
— Расскажите.
— Я около двух обход делал.
— Где?
— Первый этаж. Потом спустился.
— Во сколько?
— Часа в три без малого.
— Точнее.
Сторож посмотрел на него.
— В два пятьдесят.
— Откуда знаете?
— Часы внизу пробили.
— Хорошо. Дальше.
— Иду по коридору. Слышу шум.
— Какой?
— Словно стул упал.
— Вы видели кого-нибудь?
— Нет.
— А слышали?
— Дверь хлопнула.
— Какая?
— Подвальная.
— Когда вы вошли?
— Сразу.
— Гаркави был один?
Мельников помолчал.
— Когда я вошёл — один.
Набоков заметил паузу.
— А до этого?
— Не знаю.
— Почему вы сделали такую паузу?
— Не делал я никакой паузы.
— Делали.
Сторож опустил глаза.
— Я слышал шаги.
— Чьи?
— Не знаю.
— Мужчина или женщина?
— Мужчина.
— Уверены?
— Да.
— Почему?
— Шаг тяжёлый.
Набоков посмотрел на его сапоги.

- Сапоги?
— Да.
— Вы слышали каблуки?
— Нет.
— Тогда почему решили, что это мужчина?
Сторож впервые посмотрел ему прямо в глаза.
— Потому что женщина так ходить не станет.
Набоков промолчал.
Это был не ответ.
Но он решил пока его не трогать.
— Когда вы нашли Гаркави, где он лежал?
— У двери.
— На спине?
— На боку.
— Голова?
— Кровь.
— Много?
— Немного.
— Он что-нибудь говорил?
— Одно слово.
— Какое?
Мельников сглотнул.
— «Пергамент».
Набоков поднял голову.
— Вы уверены?
— Да.
— Он сказал «пергамент»?
— Да.
— Не «бумага»?
— Нет.
— Не имя?
— Нет.
Набоков достал записную книжку.
Записал.
«Пергамент».
— Что ещё?
Сторож помолчал.
— Он держал что-нибудь в руке.
— Что?
— Лист.
— Где он?
— Не знаю.
— Вы его не нашли?
— Нет.
— Кто нашёл?
— Никто.
Набоков закрыл книжку.
— Значит, лист исчез.
— Выходит, так.

В дверях появился другой человек.
Молодой полицейский.
Он поклонился.
— Господин следователь, вас ждут внизу.
— Кто?
— Господин Новицкий.
Набоков нахмурился.
Он знал эту фамилию.
Полковник Василий Иванович Новицкий.
Третье отделение.
Набоков не любил, когда Третье отделение приходило раньше него.
— Разумеется, — сказал он.
И впервые за ночь почувствовал, что дело становится неприятным.

В подвал они спустились вместе.
Новицкий стоял у двери.
Высокий, широкоплечий мужчина лет сорока пяти.
Лицо обветренное.
Усы короткие.
Пальто застёгнуто до самого горла.
Он держал в руках перчатки.
— Набоков.
— Новицкий.
Они пожали руки.
Новицкий пожал крепко.
Набоков — ровно настолько, насколько требовал обычай.
— Вы рано, — сказал Набоков.
— А вы поздно.
— Меня вызвал прокурор.
— Меня — начальство.
— Значит, у нас одинаковая причина здесь находиться.
Новицкий усмехнулся.
— Нет.
— В чём разница?
— Вы пришли искать преступника.
— А вы?
— Смотреть, кого вы найдёте.
Набоков посмотрел на него.
— Тогда смотрите молча.
— Это будет зависеть от вас.
Взгляд Новицкого был насмешливым.
Но не глупым.
Набоков сразу понял, почему его прислали.
Третье отделение не доверяло следствию.
И особенно — следствию, которое могло коснуться влиятельных людей.
— Что вы уже нашли?
Новицкий показал на дверь.
— Трупа нет.

— Это я вижу.
— Гаркави жив.
— Это мне тоже известно.
— Зато здесь есть кое-что интересное.
Он открыл дверь.
Запах ударил сразу.
Старый пергамент.
Пыль.
Воск.
И ещё что-то химическое.
Набоков вошёл.
Стол стоял у стены.
Стул лежал на боку.
Свеча догорела.
На полу — пятно крови.
Но крови было мало.
— Удар не сильный, — сказал Новицкий.
— Или ударили не этим.
Набоков наклонился.
На полу лежал небольшой металлический предмет.
Он поднял его платком.
Ключ.
— Откуда?
— Из кармана Гаркави.
— Почему он оказался на полу?
— Вы следователь.
— Я спрашиваю вас.
Новицкий пожал плечами.
— Возможно, выпал.
Набоков посмотрел на замок двери.
Потом на ключ.
Дверь не была взломана.
— Кто имел доступ к подвалу?
— Список у библиотеки.
— Все двери запирались?
— Да.
— Значит, человек либо имел ключ...
Набоков посмотрел на Новицкого.
— ...либо Гаркави сам его впустил.
Новицкий кивнул.
— Именно.
Они одновременно посмотрели на стол.
Там лежала раскрытая тетрадь.
Набоков подошёл.
Несколько страниц были исписаны мелким почерком.
Последняя строка обрывалась.
«Подлог несомненен. Но...»
Дальше ничего.
Набоков прочёл ещё раз.

— «Но»?

— Видите? — спросил Новицкий.

— Вижу.

— Что значит?

— Что Гаркави собирался написать дальше.

— Или что кто-то ему не позволил.

Набоков поднял взгляд.

— Где рукопись?

Новицкий молча указал на другой конец комнаты.

Там стоял небольшой столик.

На нём лежала стеклянная колба.

Рядом — кисть.

И несколько капель прозрачной жидкости.

Набоков подошёл.

— Химический реактив?

— Так сказал библиотечный служащий.

— А пергамент?

— Исчез.

Набоков осмотрел поверхность стола.

На дереве остался светлый прямоугольник.

Здесь лежал лист.

Но теперь его не было.

— Кто-нибудь заходил после нападения?

— Кроме сторожа?

— Никто.

— Уверены?

— Я поставил людей у лестницы.

Набоков посмотрел на него.

— Значит, если лист исчез после нападения, его вынес человек, который уже находился внутри.

Новицкий медленно улыбнулся.

— Теперь вы начинаете думать как жандарм.

— Не льстите себе.

Набоков наклонился.

На полу возле стола была маленькая капля воска.

Он коснулся её перчаткой.

Свежая.

— Здесь была свеча?

— Да.

— Одна?

— Одна.

— Тогда почему воск ещё мягкий?

Новицкий посмотрел на него.

— Потому что свеча недавно горела.

— Когда мы пришли, она уже почти догорела.

— И что?

— Гаркави был найден около трёх.

Набоков посмотрел на часы.

Почти пять.

— Значит, тот, кто был здесь после него, находился в комнате достаточно долго.
Новицкий нахмурился.

— Сторож никого не видел.

— Значит, он ошибся.

— Или лжёт.

Набоков выпрямился.

— Это мы ещё проверим.

Он снова посмотрел на стол.

Тетрадь.

Колба.

Кисть.

Пятно воска.

Исчезнувший пергамент.

И одна оборванная фраза.

«Подлог несомненен. Но...»

Впервые за всё время Набоков почувствовал настоящий интерес.

Он любил дела, в которых преступник совершал ошибку.

Но ещё больше он любил дела, в которых преступник совершал ошибку, потому что был уверен, что умнее следователя.

— Покажите мне коллекцию, — сказал он.

Новицкий поднял бровь.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Вы даже не знаете, что ищете.

Набоков взял трость.

— Поэтому и ищу.

Коллекция находилась за двумя дверями.

На первой висела табличка.

«Рукописи восточные. Особой сохранности».

На второй — печать библиотеки.

Новицкий достал ключ.

— У вас?

— Теперь у меня.

Замок щёлкнул.

Они вошли.

Комната была маленькой.

Полки от пола до потолка.

Коробки.

Свертки.

Кожаные переплёты.

На каждом ящике номер.

Набоков прошёл вдоль стен.

— Сколько здесь?

— Тысячи единиц.

— И всё принадлежало Фирковичу?

— Коллекция сформирована вокруг его собрания.

Набоков остановился.

— «Сформирована вокруг».
Новицкий посмотрел на него.

— Что?

— Ничего.

Он взял один ящик.

Открыл.

Внутри лежали листы пергамента.

На каждом — номер.

Набоков прочёл описание.

Дата.

Место.

Происхождение.

Подпись.

Авраам Фиркович.

Он закрыл ящик.

— Он сам каталогизировал?

— Частично.

— Почерк?

— Не знаю.

Набоков достал из кармана записную книжку.

Сравнил несколько строк из тетради Гаркави с одной карточкой.

— Не его почерк.

Новицкий подошёл.

— Уверены?

— Нет.

— Тогда зачем сказали?

— Чтобы посмотреть, согласитесь ли вы.

Новицкий усмехнулся.

— Не согласился.

— Хорошо.

Они прошли дальше.

В углу стоял большой дубовый сундук.

Замок был сломан.

Набоков остановился.

— Это что?

— Собрание из Крыма.

— Открывали?

— Сегодня ночью.

— Почему?

— Потому что Гаркави работал с ним.

Набоков поднял крышку.

Внутри лежали рукописи.

Некоторые были завернуты в ткань.

Некоторые — в кожу.

Одна была перевязана старой лентой.

Набоков осторожно поднял её.

На обложке стояло:

«Кырк-Ер».

Он посмотрел на Новицкого.

— Это Чуфут-Кале?
— Да.
— Фиркович жил там?
— Да.
— Давно?
— Очень.
— И всё это время собирал рукописи?
— Не только собирал.
Набоков поднял глаза.
— Что ещё?
Новицкий ответил не сразу.
— Говорят, он переписывал историю.
Набоков улыбнулся.
— Историю переписывают все.
— Не все оставляют после себя архив.
Набоков снова посмотрел на рукопись.
На внутренней стороне обложки была надпись.
Чернила выцвели.
Но одна строка сохранилась:
«Истинное древнее происхождение...»
Дальше текст был стёрт.
Набоков почувствовал странное раздражение.
Кто-то уже работал с этой коллекцией.
До него.
И не обязательно Фиркович.
Он положил рукопись обратно.
— Мне нужен полный список.
— Получите.
— И все документы, связанные с приобретением.
— Это может занять неделю.
— У вас два дня.
— Вы всегда так разговариваете?
— Только когда мне мешают.
Новицкий улыбнулся.
— Тогда мы поладим.

Гаркави пришёл в себя около шести утра.
Набоков находился в соседней комнате.
Врач сообщил:
— Удар лёгкий. Сотрясение. Опасности нет.
— Он может говорить?
— Недолго.
Набоков вошёл.
Гаркави лежал на узкой койке.
Лицо бледное.
На виске — повязка.
Он открыл глаза.
— Вы Набоков?

— Да.
— Судебный?
— Да.
Гаркави попытался улыбнуться.
— Значит, дело плохо.
— Почему?
— Потому что вы пришли.
Набоков сел.
— Что произошло?
Гаркави закрыл глаза.
— Я нашёл подделку.
— Фирковича?
— Да.
— Вы уверены?
— Абсолютно.
— Что именно подделано?
Гаркави посмотрел на него.
— Дата.
— Каким способом?
— Буквой.
— Какой?
Гаркави назвал её.
Набоков записал.
— Вы говорили об этом кому-нибудь?
— Нет.
— Никому?
— Почти никому.
— Кому?
— Хвольсону.
Набоков поднял голову.
— Академику?
— Да.
— И?
— Он не поверил.
— Почему?
Гаркави усмехнулся.
— Потому что человек иногда защищает не истину, а собственную репутацию.
Набоков промолчал.
— Кто ещё знал?
Гаркави закрыл глаза.
— Я не знаю.
— Вспомните.
— Нет.
— Господин Гаркави.
— Я говорю правду.
Он открыл глаза.
— Но есть кое-что.
— Что?
Гаркави попытался приподняться.

Набоков помог ему.

— Пергамент.

— Что с ним?

— Это не единственная подделка.

— Сколько?

Гаркави посмотрел на него.

— Вот это и есть проблема.

— Какая?

Ученый прошептал:

— Не все подделки принадлежат Фирковичу.

Набоков почувствовал, как внутри что-то меняется.

— Что вы хотите сказать?

Гаркави снова закрыл глаза.

— Я нашёл второй слой.

— Какой?

— Другой почерк.

— Чей?

— Не знаю.

— Но вы можете определить?

— Если получу рукопись.

Набоков замолчал.

— Её нет, — сказал он.

Гаркави резко открыл глаза.

— Нет?

— Исчезла.

Несколько секунд ученый смотрел на него.

Потом прошептал:

— Тогда они успели.

— Кто?

Гаркави не ответил.

— Кто успел?

Ученый отвернулся к стене.

— Спросите их.

— Кого?

Но Гаркави уже молчал.

Врач вошёл.

— Всё. Ему нужен покой.

Набоков поднялся.

У двери остановился.

— Последний вопрос.

Гаркави открыл глаза.

— Вы сказали ночью одно слово.

— Какое?

— «Пергамент».

— Я?

— Да.

Гаркави задумался.

— Нет.

— Что «нет»?

— Я сказал другое.
— Что?
Ученый смотрел на него долго.
И наконец произнёс:
— «Первый».
Набоков нахмурился.
— Первый что?
Гаркави закрыл глаза.
— Вот это я и хотел выяснить.

Выйдя из лазарета, Набоков увидел Новицкого.
Полковник стоял у окна.
— Он что-нибудь сказал?
— Да.
— Что?
— Что подделка не одна.
Новицкий кивнул.
— Я предполагал.
Набоков остановился.
— Вы?
— Нет. Я предполагал, что он скажет именно это.
— Почему?
Новицкий посмотрел на него.
— Потому что человек, который подделывает документы, редко останавливается на одном.
— Это не доказательство.
— А я не учёный.
Набоков подошёл к окну.
На улице уже светало.
Петербург просыпался.
Кучеры выезжали на улицы.
Открывались лавки.
По Невскому шли первые прохожие.
Обычный день.
Обычный город.
Только теперь где-то внутри него находился человек, который знал, что случилось с одним старым пергаментом.
И этот человек, скорее всего, был жив.
— Новицкий.
— Да?
— Кто такой Фиркович?
Полковник помолчал.
— Вы серьёзно?
— Да.
— Человек, который собирал древности.
— Это я уже знаю.
— Караим.
— Знаю.

— Старик.

— Тоже знаю.

Новицкий посмотрел ему в глаза.

— Тогда чего вы хотите?

Набоков ответил:

— Я хочу знать, почему кто-то готов ударить учёного по голове ради рукописи человека, который умер несколько лет назад.

Новицкий медленно улыбнулся.

— Вот теперь начинается настоящее дело.

Набоков ничего не ответил.

Он снова посмотрел на серое утро.

И вдруг понял, что слово, написанное в тетради Гаркави, беспокоит его гораздо сильнее, чем исчезнувший пергамент.

Но.

Одно короткое слово.

Оно означало, что учёный собирался сказать что-то ещё.

Что-то, чего он не успел сказать.

Набоков достал записную книжку.

На отдельной странице написал:

ДЕЛО ФИРКОВИЧА

Ниже:

1. Подделка доказана.

2. Пергамент исчез.

3. Гаркави говорит о втором слое.

4. Незнакомый знал о расследовании.

Он задумался.

И добавил пятый пункт:

5. Найти человека, который первым узнал о подделке.

Поставил точку.

Затем закрыл книжку.

Он ещё не знал, что первый пункт окажется правдой.

Второй — тоже.

Третий — спасёт ему жизнь.

А пятый приведёт его к женщине, которую он ещё не встречал.

И он совершенно не знал, что самая большая ошибка следствия уже совершена.

Они искали того, кто хотел уничтожить подделку.

На самом деле кто-то хотел уничтожить **доказательство того, что подделка была не единственной.**

А между этими двумя вещами лежала вся разница между преступлением и заговором.

Набоков вышел из библиотеки.

Снег прекратился.

Над Петербургом поднималось бледное зимнее солнце.

На противоположной стороне улицы стоял высокий человек в тёмном пальто.

Он смотрел на библиотеку.

Потом на Набокова.

И только когда следователь сел в экипаж, незнакомец отвернулся и пошёл прочь.

В правой руке он держал маленькую кожаную папку.

В папке лежал старый лист пергамента.

На нём было написано всего несколько слов.

«Он не первый».

Под ними стояла дата.

1839.

А в самом низу — имя.

Авраам Фиркович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.